

УДК: 930.85(73)

DOI: 10.31857/S2686673022100078

EDN: GWVHND

Верховный суд США: его презентация в кино, на телевидении, в литературе страны и восприятие обществом

В.М. Халилов

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3

РИНЦ ID: 464270

ORCID: 0000-0003-1665-1206

e-mail: v.khalilov@iskran.ru

Резюме. С момента своего основания Верховный суд воспринимался как важная уравновешивающая сила в очерчивании надлежащих юридических границ между федеральной властью и властью штатов, с одной стороны, и властями и правами граждан – с другой. Рассматривая дела по таким насущным социальным вопросам, как аборт, позитивная дискриминация, однополые браки, смертная казнь, свобода вероисповедания, защита окружающей среды и президентские выборы, Верховный суд принимает решения, оказывающие определяющее влияние на курс, которым движутся современные США, и неоднократно демонстрировавшие, что способны менять ход истории. Недавняя отмена противоречивого решения по делу «Роу против Уэйда» и последовавшая публичная буря возмущения с протестами, беспорядками, харассментом членов Верховного суда и призывами к радикальному расширению его состава (*court-packing*) в очередной раз сделали высшую судебную инстанцию центром общественного внимания и продемонстрировали её определяющую важность для социально-политической жизни страны. Несмотря на обвинения по адресу Верховного суда в политической ангажированности и «беспринципном судебном активизме», его авторитет продолжает оставаться высоким – отсюда болезненные реакции как на судебные победы, так и на поражения, в зависимости от выигрывающей в конкретный момент стороны.

В данной статье рассматривается изображение Верховного суда США и его членов в американской культурной продукции, предназначенной для потребления широкими кругами аудитории, – в литературе, кинематографе, театре и на телевидении. В процессе анализа образцов культурного творчества можно проследить взаимодействие между общественными ценностями, национальными настроениями и юридическими изменениями в разные периоды национальной истории, а также сформировать известное представление о функционировании Верховного суда США и его восприятии в публичном сознании.

Ключевые слова: Верховный суд, судебная система, американская культура, литература, кино, театр, телевидение

Для цитирования: Халилов В.М. Верховный суд США: его презентация в кино, на телевидении, в литературе и восприятие обществом. *США & Канада: экономика, политика культура* 2022; 52 (10): 98-111. DOI: 10.31857/S2686673022100078

EDN: GWVHND

The Supreme Court of the United States in Popular American Culture: Representation and Public Perception

Vladimir M. Khalilov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3, Khlebnny per., Moscow, 121069 Russian Federation
РИИЦ ID: 464270*

ORCID: 0000-0003-1665-1206

e-mail: v.khalilov@iskran.ru

Abstract. The article is devoted to the representation of the U.S. Supreme Court and its members in cultural products intended for consumption by a wide range of audiences – in literature, cinema, theater and television.

Since its founding, the Supreme Court has been perceived as an essential balancing force in delineating the proper legal boundaries between federal and state power on the one hand, and authorities and citizens' rights on the other. Reviewing cases on such vital societal issues as abortion rights, affirmative action, same-sex marriages, capital punishment, religious freedoms, environmental protection and presidential elections, the Supreme Court makes decisions which have a significant influence on the direction of the country and repeatedly showed its capacity to change the course of history. Recent overturn of the controversial ruling in *Roe v. Wade* and the following public uproar with protests, riots, harassment of members of the Supreme Court and calls to radical expansion of its composition (court-packing) once again made the highest judicial. Despite permanent accusations of political partisanship and "unscrupulous judicial activism", its authority continues to remain high – hence painful reactions both to judicial victories, and to defeats, depending on the party winning at a particular time.

In the process of analyzing examples of cultural creativity, there could be traced the interaction between social values, national sentiments and legal changes at different periods of national history, as well as be acquired an understanding of the functioning of the U.S. Supreme Court and its perception in the public consciousness.

Keywords: Supreme Court, federal judiciary, U.S. Culture, literature, cinema, theater, television

For Citation: Khalilov V.M. The Supreme Court of the United States in Popular American Culture: Representation and Public Perception. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2022; 52 (10): 98-111 (In Russ.). DOI: 10.31857/S2686673022100078 EDN: GWVHHD

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время Верховный суд США пребывал вне пристального внимания деятелей культуры. В то время как суды первой инстанции становились местом действия многочисленных произведений театра, кино, литературы и телевидения, составивших крайне популярный жанр «судебной драмы» (*courtroom drama*), деятельность высшей судебной инстанции преимущественно игнорировалась, в основном по причине своей сложности для драматизации. Если стилизованная процедура уголовных процессов предлагала бесчисленные драматические воз-

возможности – острый конфликт, часто с загадкой в центре, полный напряжения и неожиданных поворотов, поединок юридических интеллектов противостоящих сторон, правосудие против несправедливости, криминалистические подробности и т.п., то благонаправленный, чинный, ритуализированный мир апелляционного судопроизводства с его абстрактными юридическими концепциями, акцентом на технических аспектах и лишёнными сенсационности делами, сковывали авторское воображение и затрудняли удержание внимания аудитории [Bloomfield M. 1981]. Играла свою роль и известная закрытость «дворянства мантии», настроенно относящейся к коммуникации с представителями средств массовой информации и индустрии развлечений за пределами профессионального декора и официальности. Тем более что Верховный суд всё ещё отказывается допускать телевизионные камеры в зал заседаний, категорически исключая любую вероятность подобных трансляций в обозримом будущем.

Неожиданно в первые десятилетия XXI века внимание СМИ привлекли телепостановки начала прошлого века и текущая работа Суда [1];[2];[3]. Этому предшествовала отмена Верховным судом противоречивого решения по делу «Роу против Уэйда» (*Roe v. Wade*) о праве женщин на прерывание беременности и последовавшая публичная буря возмущения с протестами, беспорядками, харассментом членов Верховного суда и призывами к радикальному расширению его состава (*court-packing*). Всё это сделало высшую судебную инстанцию центром общественного внимания и продемонстрировало её определяющую важность для социально-политической жизни страны.

«ДВОРЯНСТВО МАНТИИ»

Картина безмятежных мужей, восседающих в роскошно обставленных палатах, облачённых в чёрные робы, рассматривающих дела государственной важности и готовых сутками выслушивать аргументы сторон, чтобы вынести свои беспристрастные и непредвзятые решения, – эта гагиологически-благоговейная традиция в литературе и кино просуществовала до середины века и далее, несмотря на то что в реальности судьи не стеснялись демонстрировать неприкрытую политическую пристрастность. В то же время в прессе появлялись гораздо более скептические и резкие характеристики Верховного суда, особенно когда его решения касались расширения федеральной власти в ущерб законам штатов. Обвинения в предубеждённости возросли многократно после втягивания Суда в полемику о рабстве. Доверие к судебным инстанциям достигло рекордно низкого уровня после оглашения решения по делу «Дред Скотт против Сэндфорда» (*Dred Scott v. Sandford, 1857*) о гражданском статусе рабов, нередко называемое худшим решением в истории Верховного суда, сыгравшим, по мнению ряда исследователей, ключевую роль в начале Гражданской войны [1]. Тем

не менее, острая критика Верховного суда в целом оставалась ограниченной и спорадической, являясь проявлением крайней реакции на наиболее резонансные дела и спорные решения [Bloomfield M. 1981: 4]. В романах Позолоченной эпохи судьи продолжали изображаться как «благожелательные, но величавые» патриции, с активным привлечением религиозных образов и сравнений.

С наступлением новой, индустриальной, материалистичной Прогрессивной эры окружавшая судей пиегистская мифология, рисовавшая их как «эфирных существ», канула в прошлое. Авторы XX века заостряли внимание на подвижных судьями человеческих мотивах, задействуемых стратегемах и политической ангажированности при принятии судебных решений. В романах популистов, утопистов и социалистов судьи Верховного суда представляли как несовершенные, подверженные ошибкам, предубеждениям и внешнему влиянию (класса и капитала) и неспособные представлять абстрактное правосудие в соответствии с нуждами демократии простые смертные.

Произведения той поры – «В ожидании сигнала»/*Waiting for the Signal* (1897) Генри О. Морриса, «Президент Джон Смит»/*President John Smith* (1897) Фредерика Апхэма Адамса, «Радикал»/*The Radical* (1907) Айзека Кана Фридмана – предлагали различной степени радикальности решения – от резкого урезания полномочий Верховного суда до превращения его в совещательный орган без каких-либо реальных рычагов влияния. Либеральные литераторы, хотя и настроенные менее решительно, в свою очередь, упрекали судей в бездушии и формализме, изображая их реликтами доиндустриальной эпохи, «машинами античной логики», способными реагировать только на архаичные юридические доктрины и ставящими неумолимый рационализм выше морали и справедливости (на заре века право рассматривалось как объективная наука, чей прогресс зависел от строгой приверженности установленным прецедентам). Романисты и авторы пьес по-прежнему не преуспевали в создании убедительной картины работы Верховного суда и испытывали сложности в превращении своих политических и экономических тревог в драматургически удовлетворительный материал; они имели мало представления об апелляционном судопроизводстве и внутреннем устройстве Верховного суда, а образы судей продолжали оставаться на уровне лишённых плоти и крови абстракций и стереотипов: пожилые, бесстрастные создания, «единственная функция которых заключалась в защите устаревшего свода юридических предписаний перед угрозой демократической контаминации» [Bloomfield M. 1981: 7].

Характерно, что первой и до недавнего времени единственной кинобиографией судьи Верховного суда была картина «Великолепный янки» (*The Magnificent Yankee*, 1950) режиссёра Джона Стёрджеса по пьесе Эммета Лэйвери (основанной в свою очередь на книге «Мистер судья Холмс» Фрэнсиса Биддла), посвящённая судье Оливеру Венделлу Холмсу-младшему, широко рассматрива-

емому в качестве предтечи правового реализма. В традициях классического голливудского мифотворчества фильм являлся типичной идеализированной и сентиментальной биографией «замечательного человека». Создатели демонстрировали большую заинтересованность в личной, в первую очередь супружеской, жизни Холмса, чем профессиональной карьере, о которой зритель получал лишь самые общие представления и обрывочные сведения (не считая отеческого отношения к многочисленным молодым клеркам и дружбе с Луисом Брэндайсом – первым судьёй иудейского вероисповедания).

Несмотря на то что фильм прослеживает период жизни Холмса от его назначения в Верховный суд, правовая философия, эпохальные решения, не говоря об особых мнениях, которыми в первую очередь славился Холмс, в основном остаются за пределами внимания кинематографистов (о его репутации в качестве «великого диссентера», а также медиатора между либеральным и консервативным лагерями Суда, зритель узнаёт из закадрового повествования). Исключением становится дело «Компания Норзерн секьюритис против Соединённых Штатов» (*Northern Securities Co. v. United States*, 1904) – крупнейшее на тот момент в рамках борьбы правительства с монополиями, послужившее причиной размовки и последующего антагонизма между Холмсом и президентом Теодором Рузвельтом (1901-1909 гг.). Холмс пошёл наперекор назначившему его президенту и в своём мнении написал, что «крупные дела, как сложные, рождают плохие законы», поскольку продиктованы сиюминутными интересами, апеллирующими к чувствам и искажающими трезвость суждения. Демонстрируя своё разочарование, Т. Рузвельт заявил, что «из банана бы вырезал судью с более крепким хребтом», нежели Холмс, и пообещал выкинуть его за дверь, если он ступит в Белый дом снова. Также упоминаются печально знаменитое мнение Холмса о «прямой и явной угрозе» в деле «Шенк против Соединённых Штатов» (*Schenck v. United States*, 1919), где он сравнил распространение пацифистских листовок во время войны с ложной тревогой о пожаре в театре, и авторство мнения большинства в «Дебс против Соединённых Штатов» (*Debs v. United States*, 1919) – вопреки своему репуте последовательного защитника Первой поправки. О более скандальных делах – например, о допустимости принудительной стерилизации умственно отсталых в «Бак против Белла» (*Buck v. Bell*, 1927) – по понятным причинам не сообщалось вовсе, поскольку они явно не вписывались в портрет добродушного, жизнерадостного, но принципиального борца за человеческие честь и достоинство.

Отметим, что при этом, несмотря на статус «идола прогрессивистов» [2], Холмс испытывал мало почтения к индивидуальным свободам, с воодушевлением поддерживая, среди прочего, социальный дарвинизм и евгенику. Являясь прагматиком и скептиком, он рассматривал жизнь в обществе как серию «жесточких компромиссов» [3]. «Великолепный янки» заканчивается домашним визитом

новоизбранного президента Ф.Д. Рузвельта с целью выразить своё почтение ушедшему в отставку судье по случаю его 92-летия. «Вы на войне, мистер президент, сражайтесь как проклятый», – предположительно посоветовал президенту бывший вояка.

Ныне к Холмсу с одинаковой прохладой относятся как консервативные оригиналисты и текстуалисты (за отсутствие пиетета перед буквой Конституции), так и прогрессивные «живоконституционалисты». Последние вменяют ему в вину радикальную приверженность «судебной сдержанности», что приводило к голосованию им в поддержку не только прогрессивных, но и нелиберальных законов [3].

Журналы и газеты массовой циркуляции, тем временем, предлагали значительно более живописные портреты судебных разбирательств. Характерная для репортажей сенсационалистская подача, полная слухов и анекдотов и сопровождаемая красочными иллюстрациями, сочинялась в угоду широкой аудитории, состоявшей преимущественно из представителей среднего и рабочего классов, и предоставляла неисчерпаемый, хотя и ненадёжный, запас информации для будущих исследователей. Более убедительный ревизионистский взгляд на деятельность Верховного суда, в свою очередь, можно обнаружить в произведениях авторов документальной прозы эпохи. Они подробно рассматривали политическую подоплёку процесса принятия решений, корпоративные связи и финансовые операции судей, а также влияние на них классовой принадлежности и общественной реакции на громкие вердикты.

Среди однотипных и одномерных вымышленных изображений членов Верховного суда выделяется мюзикл «Я предпочитаю быть правым» (*I'd Rather Be Right*, 1937 г.) драматургов Мосса Харта и Джорджа С. Кауфмана и поэта-песенника Лоренца Харта – сатирическое изображение событий «Нового курса» Франклина Д. Рузвельта. В мюзикле судьи, охарактеризованные Ф. Рузвельтом как «старые мракобесы», пели и танцевали в окружении юных хористок, провозглашая каждый законопроект президента неконституционным, в итоге признав неконституционной саму Конституцию.

«УПАКОВКА СУДА»

Ситуация изменилась после внесения президентом Ф.Д. Рузвельтом (1933-1945) законодательной инициативы о расширении Верховного суда, неформально известной как «план упаковки суда» (*court-packing*). Это спровоцировало полномасштабный конституционный кризис. Смещение внимания Верховного суда с вопросов легитимности экономической регуляции на дела о гражданских правах – одновременно остро полемичных и по натуре драматичных – сделало Суд более привлекательным и доступным для авторов художественных произ-

ведений. Через положение о надлежащей правовой процедуре, предусмотренной 14-ой поправкой к Конституции США, судьи постепенно распространили гарантии Билля о правах на отдельные штаты – период, достигший своего пика в виде «конституционной революции» (в либеральном направлении) под председательством судьи Эрла Уоррена. Решения по многим делам того времени нашли своё отражение в произведениях массовой культуры, особенно те, что касались расовой сегрегации и прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Например, слушания по делу «Браун против Совета по образованию Топики» (*Brown v. Board of Education of Topeka*, 1954) стали темой минисериала «Раздельные, но равные» (*Separate But Equal*, 1991), посвящённого роли в них будущего судьи Тэргуда Маршалла, в то время как дело «Шеппард против Максвелла» (*Sheppard v. Maxwell*, 1966) послужило вдохновением для популярного сериала «Беглец» (*The Fugitive*, 1963-1967) и позже одноименного фильма о докторе, несправедливо обвинённом в убийстве жены. И даже не интересующиеся юриспруденцией зрители голливудской продукции наизусть знают «правила Миранды», установленные в деле «Миранда против Аризоны» (*Miranda v. Arizona*, 1966), звучащие в многочисленных кинофильмах на криминальную тему. Это и другие решения Верховного суда, расширявшие права обвиняемых (о праве на защиту, неприятии доказательств, незаконных обысках и т.д.) породили целую волну консервативных по духу фильмов с критикой судебных органов, препятствующих эффективной работе полиции и угрожающие ростом преступности. Кинематограф сам стал «фигурантом дела» в «Джакобелис против Огайо» (*Jacobellis v. Ohio*, 1964), посвящённом определению порнографии (владельца кинотеатра обвиняли в хранении и распространении непристойных фильмов в виде французской драмы «Любовники» режиссёра Луи Малля), в решении по которому судья Поттер Стюарт произнёс ставшую крылатой фразу: «Узнаю, когда увижу».

Активизм судьи Э. Уоррена спровоцировал широкую полемику о надлежащей роли судебной власти, разделив юристов на два лагеря: выступавших за то, чтобы при принятии решений судьи руководствовались не только абстрактными принципами, но также общественными интересами, соображениями публичной политики и собственными этическими предпочтениями; и тех, кто считал, что, выходя за рамки логико-дедуктивной трактовки законов, Верховный суд превышает пределы своих полномочий.

РБГ (RBG)

Популярность в американской культуре последних десятилетий судьи Верховного суда США Рут Бейдер Гинзбург – РБГ (1936–2016) значительно превзошла известность любого из её коллег. Рут Гинзбург стала героиней фильмов, пе-

сен, комедийных скетчей, оперы, интернет-мемов, книжек-раскрасок для детей, не считая многочисленных товаров с её изображением [4]. В её адрес звучали и упрёки – в прагматизме, осторожности, умеренности и центризме [5].

Выпущенный на экраны США в 2018 г. документальный фильм РБГ (RBG) Бетси Уэст и Джули Коэн повествует о жизни и карьере Рут Гинзбург с момента её рождения в Бруклине, университетских годах и последующей карьере в качестве судьи, где она проделала путь от Апелляционного суда округа Колумбия при президенте Дж. Картере (1977–1981) до номинации в Верховный суд президентом У. Клинтонем. (1993–2001). РБГ это откровенно восславляющий образец биографии, где даже открывающие фильм нелицеприятные, нарочито гротескные эпитеты из уст её оппонентов и недоброжелателей («эта ведьма, эта нечестивица, этот монстр», «зомби», «злодейка», «позор Верховного суда») в лице наиболее одиозных пандитов и политиков правого толка служат созданию образа выдающейся и героической фигуры (феминистка Глория Стайнем прямо называет её «супергероиней», что иллюстрируется изображением Р. Гинзбург в качестве персонажа комиксов). Такой подход оборачивается тем, что фильм предлагает мало проникновений в работу юридического ума героини, её легальной стратегии и глубокого анализа её судебных побед, и даже нарезки из записей зачтения ею эпохальных мнений в суде сводятся к избитым лозунгам о половом равенстве и резким репликам о недопустимости дискриминации (в то же время авторы посвящают массу времени статусу Гинзбург как «поп-культурной иконы» и кумиру молодёжи и умилению её увлечениями, в частности оперой и фитнесом).

Биографическая драма «По половому признаку» (*On the Basis of Sex*, 2018) режиссёра Мими Ледер по сценарию племянника Р. Гинзбург Даниэля Стиплмана рассказывает о годах становления Гинзбург в её бытность студенткой вначале Гарварда, затем Юридической школы Колумбийского университета, а чуть позже профессором юридического факультета Ратгерского университета, где началась её тесная ассоциация с Американским союзом защиты гражданских свобод и Движением за права женщин. Центральное место в картине занимает участие Гинзбург в процессе «Чарльз Э. Моритц против главы налоговой службы» (*Moritz v. Commissioner of Internal Revenue*, 1972) – внешне скромном деле, касающемся налогового права, рассматривавшемся Апелляционным судом десятого округа США: Моритцу – холостяку из Колорадо и опекуну престарелой бабушки было отказано в налоговых вычетах, поскольку согласно существовавшим в то время правилам налогового кодекса на них могли претендовать только женщины, вдовцы и женатые мужчины, жены которых недееспособны или помещены в специальное лечебное учреждение. Суд признал истца жертвой несправедливой дискриминации в нарушение положения о равной правовой защите и принципа надлежащей правовой процедуры. Для Р. Гинзбург это стало прецедентным

делом, в процессе подготовки которого она нашла основополагающие доводы для случаев половой дискриминации. Кроме того, для достижения цели равенства, она в первый, но не в последний раз использовала мужчину в качестве пострадавшей стороны, благоразумно рассудив, что для преобладающе мужских судов несправедливость в отношении представителя одного с ними пола произведёт более сильное впечатление, а также для демонстрации тезиса о том, что гендерная дискриминация наносит ущерб представителям обоих полов.

Написанное ею резюме произвело впечатление на современников и было использовано в ставшем вехой в судебной практике США деле «Рид против Рид» (*Reed vs. Reed, 1971*), в аргументации к которому Гинзбург задействовала 14-ю поправку к Конституции США, а именно положение о равной защите. Суд согласился с её доводами, постановив, что предпочтение при назначении распорядителей наследства не может основываться на половой принадлежности – первый случай применения положения о равной защите при рассмотрении дел о половой дискриминации.

Изначальная легальная стратегия Гинзбург сводилась к поиску прецедентов, в которых суд принимал сторону истцов в делах о половой дискриминации, которые она насыщала примерами исторического угнетения женщин, чтобы сделать аргументацию более «пронзительной». В голове Гинзбург, однако, уже тогда созрел куда более амбициозный долгосрочный план, целью которого являлось вынудить Верховный суд к повышению стандарта пересмотра (*standard of review*) в отношении дел, затрагивающих гендерное неравенство, с базовой «рациональной основы» различий между полами до «строгой проверки», которую суд применял к разделением по расовому признаку в законах. Более высокий стандарт перекладывает бремя доказывания на власти, которые должны продемонстрировать необходимость законодательных актов для достижения «насущных государственных интересов» и соблюдение ими «узкой целенаправленности» с задействованием «наименее ограничительных средств», дабы не допустить посягательств на базовые права и свободы, предусмотренные Конституцией США [5].

Её первым личным выступлением перед Верховным судом стало дело «Фронтiero против Ричардсона» (*Frontiero v. Richardson, 1973*), которое она закончила цитатой из американской аболиционистки и суфражистки Сары Мур Гримке: «Я не прошу одолжений для своего пола. Не отказываюсь я и от нашего требования равенства. Всё, о чём я прошу наших собратьев – это, чтобы они убрали свои ноги с наших шей» [Kraft E. 2021]. Хотя Гинзбург с коллегами выиграла дело, они (одним голосом) проиграли «стандарт (строгого) пересмотра», позволивший бы приравнять половую дискриминацию к расовой. Несмотря на видимое разочарование, после оглашения вердикта Рут заявила о том, что она не питала иллюзий о завершении борьбы за равноправие в одночасье и намере-

на повторять свою аргументацию, «возможно, до полудюжины раз», пока не достигнет желаемого.

Следующим шагом в её походе за равенством стало дело «Вайнбергер против Вайзенфелда» (*Weinberger v Wiesenfeld*, 1975), где Гинзбург выступила в качестве защитника интересов (белого, привилегированного) мужчины, который согласно закону о социальном обеспечении 1935 г., будучи вдовцом, не мог претендовать на выплаты по уходу за ребенком. Это дело также завершилось в пользу Гинзбург и её повестки, однако позиция суда в проведении различия между наносящими ущерб разделениями по половому признаку и устанавливающими гендерное равенство все ещё оставалась размытой. Гинзбург успела успешно защитить ещё три дела перед Верховным судом: «Эдвардс против Хили» (*Edwards v Healy*, 1975), «Калифано против Голдфарба» (*Califano v Goldfarb*, 1977), «Дюрен против Миссури» (*Duren v Missouri*, 1979), прежде чем самой стать судьёй федеральной судебной власти. В каждом случае Гинзбург тщательно выбирала внешне незначительные, неугрожающие, едва ли способные вызвать полемику и разногласия дела – в основном о социальном обеспечении и обязанностях выступать в качестве присяжных, каждое из которых тем не менее медленно подтачивало статус-кво, в качестве основного легального инструмента задействуя 14-ю поправку и положение о равной защите (до того не применявшиеся в отношении женщин).

Профессор права Артур Р. Миллер сравнил легальную стратегию Р. Гинзбург с «вязанием свитера». Эта стратегия – по завоеванию более высокого стандарта проверки для половых разграничений в законах – неожиданно, хотя и частично, окупилась в «легковесном», по её собственному восприятию, деле «Крэг против Борена» (*Craig v Boren*, 1976). Крэг – студент из Оклахомы подал иск на право покупать пиво (его поддержала владелица винного магазина, желавшая ему это пиво продавать). До этого Оклахома в рамках борьбы с вождением в нетрезвом состоянии приняла закон, ограничивавший продажу напитков с низким содержанием алкоголя. Рут выступала в качестве советника адвоката, написала «бриф» в качестве «друга суда» и присутствовала в ходе устных прений сторон. Благодаря написанной ею аргументации Верховный суд принял решение о необходимости более тщательной проверки (*intermediate scrutiny*) дел, касавшихся разделения по половому признаку. Отныне власти не могли ссылаться на архаичные представления и сложившиеся предубеждения в отношении полов, руководствуясь сугубо «рациональными предположениями», но были обязаны доказывать необходимость половой классификации для достижения «важных правительственных целей». Суд наконец-то согласился с доводами Гинзбург, что даже «доброжелательная» дискриминация по признаку пола вредит женщинам [Markowitz D. 1989].

Волновым эффектом этих побед стало изменение сотен законов и нормативных актов по всей стране, и последующие десятилетия увидело целую серию судебных разбирательств, целью которых являлось утвердить идею о законодательном равенстве полов. В качестве члена Верховного суда Гинзбург завоевала репутацию автора жёстких диссентов (выражающих несогласие с мнением большинства заключений) в целом ряде резонансных дел. Тем не менее, её сомнительный с точки зрения продвижения либеральной повестки послужной список, а также дружба с консервативным судьёй Антонином Скалиа и отказ уйти в отставку вплоть до самой смерти привели к тому, что даже мейнстримная критика была крайне сдержанна и скептически настроена в приёме агиографических произведений о её судебной карьере.

ДРУГИЕ СУДЬИ

Значительно реже удостоивались внимания деятелей культуры судььи с консервативными убеждениями (если не с целью бичевания и насмешки). Тем не менее, благодаря бурному развитию в последнее время независимых производственных компаний и издательств и расширению способов дистрибуции, правые и консервативные круги нашли свою нишу на медиарынке.

Документальный фильм «Созданы равными: Кларенс Томас его собственными словами» (*Created Equal: Clarence Thomas in His Own Words*, 2020) режиссёра Майкла Пэка – своего рода визуальное дополнение к вышедшей десятилетием раньше книге мемуаров Судьи «Сын моего деда», стал первым (авто)портретом лидера консервативного крыла (после смерти Антонины Скалиа) в «мраморном дворце». Долгие годы славившийся своей закрытостью и словенеохотливостью (во время заседаний Томас принципиально не задавал вопросов и не вступал в дискуссии с выступавшими с аргументами юристами – «реферри не должен участвовать в игре») Судья открылся перед камерой, чтобы представить свою версию важных событий жизни и карьеры, опровергая созданную его оппонентами репутацию как «легковесного интеллекта».

Томас рассказывает о своём нищем детстве в сельской Джорджии и воспитании дедом Майерсом Андерсоном – самым важным человеком в его становлении, необразованным и набожным фермером, внушившим ему важность усердного труда, дисциплины и образования; об обучении в католической семинарии, которую он покинул, будучи возмущённым одобрителем реакцией сокурсников на известие об убийстве Мартина Лютера Кинга; поступлении в иезуитский колледж Святого Христа, где он связался с радикальным чёрным студенчеством; зачислении на юридический факультет Йельского университета, в котором превратился в «ленивого либертарианца». Став молодым отцом и наблюдая басинг (принудительную интеграцию белых и чёрных школьников. –

В.Х.), Томас выработал стойкое неприятие практикуемой либералами социальной инженерии. После короткого периода работы в корпорации, неудовлетворённый предлагаемой сферой «золотыми наручниками» Томас согласился стать юридическим помощником Республиканского сенатора Джека Дэнфорта, что положило начало его идеологической трансформации и привело его в орбиту приверженцев правых взглядов. Как чёрный консерватор Томас подвергался многочисленным персональным атакам со стороны либералов и левых, не стеснявшихся называть его откровенно расистскими эпитетами: «предатель расы», «дядюшка Том», «рейгановский чёрный болванчик», «марионеточный негр», «газонный жокей для крайне правых» и т.д., достигших апогея во время его утверждения в качестве судьи Верховного суда. Драматичные сенатские слушания 1991 г. по его кандидатуре под председательством Джо Байдена превратились в то, что Томас охарактеризовал как «высокотехнологичное линчевание». Если поначалу сенаторы во главе с Дж. Байденом выражали тревогу по поводу приверженности Томаса доктрине естественного права (которую они рассматривали как угрозу правам на аборт и превратившемуся в символ идеологического противостояния либералов и религиозных правых делу «Роу против Уэйда»), то затем в ход была задействована стратегия с обвинениями в сексуальном харассменте, выдвинутыми бывшей подчинённой Томаса Анитой Хилл. После продолжительных дебатов и бури в прессе Томас был утверждён с минимальным перевесом (52 голоса против 48) в результате закулисной сделки между республиканцами и демократами.

Томас сменил на посту Тэргуда Маршалла, полную противоположность во взглядах и юридической философии. Т. Маршалл – первый судья афроамериканского происхождения, отличался своей проактивной либеральной позицией и неприкрыто пренебрежительно относился к Конституции. (Известно высказывание Маршалла о своей роли в качестве судьи: «Ты делаешь то, что считаешь правильным, и позволяешь закону тебя нагонять» [6]). Кларенс Томас в свою очередь завоевал репутацию стойкого («кровожадного», согласно характеристике судьи Антонина Скалия) оригиналиста в интерпретации текста Конституции при судебном пересмотре и последовательного противника правового активизма, при менее чем благоговейном отношении к прецедентам. За три десятилетия в качестве Судьи Томас написал свыше 700 мнений, значительная часть из которых выражали несогласие с мнением большинства. После образования в эпоху президента Д. Трампа консервативного «супербольшинства» в Верховном суде, а также превращения Томаса в самого старшего, как по возрасту, так и по сроку пребывания на высокой скамье, а также наиболее плодовитого, из Судей, его «параллельная матрица/экосистема юридических заключений» стала востребованной и влиятельной среди более молодых коллег, первым доказательством чего стала отмена «Роу против Уэйда». Эксперты предсказывают, что сле-

дующей мишенью Верховного суда станет политика позитивных действий (*affirmative action*), против которой чернокожий судья всегда выступал особенно яростно [7]. (Представляется неслучайным, что «Созданы равными» заканчивается цитатой из его особого мнения по делу «Груттер против Боллинджера» / *Grutter v. Bollinger*, 2003 о компенсационной дискриминации при принятии в колледж).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своём проникновении во внутреннюю кухню Верховного суда фильмам всё ещё далеко до разоблачительной журналистики (эталонным образцом которой остаётся книга «Братство» Боба Вудворда и Скотта Армстронга, посвящённая функционированию Верховного суда в эру Уоррена Бергера [Woodward B. and Armstrong S. 1979], откуда можно почерпнуть даже названия предпочитаемых судьями алкогольных коктейлей). Тем не менее, растущее собрание работ и произведений по теме позволяет надеяться, что Мраморный дворец, в котором вершит правосудие Верховный суд как важнейший институт федеральной системы США, если и не сравнится по популярности с Белым домом и Капитолием, то по крайней мере приподнимет плотную завесу над представляющим значительный публичный интерес механизмом своей деятельности.

ИСТОЧНИКИ

1. Sullivan C. 13 Worst Supreme Court Decisions of All Time. *FindLaw*, October 14, 2015. Available at <https://www.findlaw.com/legalblogs/supreme-court/13-worst-supreme-court-decisions-of-all-time/scholar> (accessed: 25.07.2022).
2. Feldman N. The Many Contradictions of Oliver Wendell Holmes. *The New-York Times*, May 28 2019/ Available at <https://www.nytimes.com/2019/05/28/books/review/oliver-wendell-holmes-stephen-budiansky.html> (accessed: 27.07.2022).
3. Rosen J. Justice Oliver Wendell Holmes and the dangers of moral certainty. *The Washington Post*, June 27, 2019. Available at https://www.washingtonpost.com/outlook/justice-oliver-wendell-holmes-and-the-dangers-of-moral-certainty/2019/06/27/352450c2-8d3e-11e9-adf3-f70f78c156e8_story.html (accessed: 27.07.2022).
4. Kinder D. The Rise of the Ruth Bader Ginsburg Cult. *Current Affairs*, 10 March 2016. Available at <https://www.currentaffairs.org/2016/03/the-rise-of-the-ruth-bader-ginsburg-cult> (accessed: 29.07.2022).
5. Von Drehle. Redefining Fair with a Simple Careful Assault. *The Washington Post*, July, 19, 1993. Available at http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/08/23/AR2007082300903_pf.html (accessed: 22.07.2022).
6. Sobran J. "Justice Marshall v. the US Constitution". *The Southwest Missourian*. p. 4A. May 8, 1987.

7. Baker S. Clarence Thoms is at the peak of his power. *Axios*, July 2, 2022. Available at <https://www.axios.com/2022/07/02/supreme-court-clarence-thomas-abortion-precedent> (accessed: 31.07.2022).

REFERENCES

Bloomfield M. 1981. The Supreme Court in American Popular Culture 4J. *AM Culture* 1. Available at: <https://scholarship.law.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1810&context=scholar> (accessed: 24.07.2022).

Krafts E. 2021. Women and Protest; Introduction. *European Romantic Review*, 32:3, p. 239-244. Available at <https://www.tandfonline.com/action/showCitFormats?doi=10.1080%2F10509585.2021.1917816> (accessed: 21.07.200).

Markowitz D. 1989. In Pursuit of Equality: One Woman's Work to Change the Law, 11 *Women's Rights L. Rep.* 73. Summer 1989. Available at <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/1051352> (accessed: 23.07.2022).

Woodward B. and Armstrong S. 1979. *The Brethren: Inside the Supreme Court*. New York: Simon & Schuster. 467 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХАЛИЛОВ Владимир Мадаминович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социально-политических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Vladimir M. KHALILOV., candidate of sciences (history), Research fellow of the Center for socio-political studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)
2/3 Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 31.07.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 12.08.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 14.08.2022.